

Вырезка из газеты
БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ

От

4 ★ ЯНВ. 1930

Бану Зананзаде

СМЕХ В ОПЕРЕ

Оперная сцена чуждается смеха. Ступенчатый трагизм большинства оперных сюжетов почти не дает возможности прорваться наружу яркому прельсту.

Тем бо́льшая ценность представляют первая серьезная работа нашего оперного театра над двумя политическими операми: «Черевички» Чайковского и «Золотой петушок» Римского-Корсакова.

Между ними — «инсталляция огромного размера». Если в «Черевичках» — одном из удачнейших музыкальных воплощений гоголевского юмора — опущен, редкий у Чайковского непосредственный жизнеперелестный смех, то в «Золотом петушке» этот смех превращается в смех злобный, пропитанный лдом и жалкой издевкой над самодержавием.

Не даром царское правительство запретило в свое время постановку оперы на сцене императорских театров.

В этой гениальной сатире музыкальнейшего народного выковывывающего новые формы музыкального языка, все — от первого тревожно-жуткого петушиного крика до заключительного окорбного народного хора — направлено к тому, чтобы под покровом сказки высмеять, изничтожить русский царизм и доказать его обреченность.

Театр учел разницу между обоими операми.

К «Черевичкам» постановщики (Людмила и Варфоломеев) подошли, как к бытовой комедии, «в которой даже злые люди склы вызывают неудержимый смех».

Оркестровое сопрозождение, подчеркнувшее юмористический ха-

рактер музыки, красочное оформление Димитриева, полнокровные массовки (колядки, игра в снежки), крепко-слаженный актерский ансамбль (Минаев, Липован, Гумев, Гринц) переключили фантастический элемент оперы в комический и создали жизнерадостное, заражающее юмором веселье арлешице.

«Золотой петушок» театр поставил в виде хлесткого, социального памфлета, оформив весь спектакль как утрированно-карикатурный лубок, в котором произвол, пошлость, тупость и ничтожество, само державишны вызывают не только смех, но и подлинную ненависть.

Перед зрителем проходит, сделанная с необычайной для оперы драматической выразительностью, острая галерея уродливых фигур самодержавца Додола (Николевский), его «страшнейших» сыновей (Сурев и Уралов), восводы Полкана (Смеродин) и, наконец, злобной Шемаханской царицы (Демонтьева).

В дальнейшем перед театром стоит задача тщательной шлифовки музыкально-ритмической стороны спектаклей. Оживления темпов и укрепления актерской линии.

«Черевички» и «Золотой петушок» разные гости на оперной сцене. Успех их постановок должен послужить толчком для серьезного пересмотра оперного репертуара. В его обширных архивах можно найти много несправедливо забытых ценных произведений, способных зарядить бодростью зрителей сегодняшнего дня.

СЕРГЕЙ НЕВЕДОМЫЙ